

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 130.2

ГРНТИ 13.07.27

Е. А. Цуканов

Женское лицо журналистики как антропологический казус

Статья посвящена изучению влияния культурно-антропологических факторов по линии «мужское – женское» на современное состояние журналистики и в целом медиасферы. Автор полагает, что отсутствие должного мониторинга противоречий, вызываемых гендерной разбалансировкой медиа, выраженной преобладанием феминного начала над маскулинным, может обернуться в дальнейшем значительными кризисными последствиями, имеющими аналоги в мире матриархата.

Ключевые слова: журналистика, медиа, феномен, мужчина – женщина, матриархат, хтонизм СМИ, гендерные архетипы, первобытные культы, массовое сознание.

Evgeny Tsukanov

The Female Face of Journalism as an Anthropological Case

The article is devoted to the study of the influence of cultural and anthropological factors along the line of "male - female" on the modern state of journalism and, in general, the media sphere. The author states that there exists gender imbalance of the media, expressed by the predominance of feminine origin over masculine. He believes that the lack of proper monitoring of the contradictions caused by this imbalance can lead to significant crisis consequences which have analogues in the world of matriarchy.

Key words: journalism, media, phenomenon, male – female, matriarchate, media chthonism, gender archetypes, primitive cults, mass consciousness.

Преобладание среди учащихся факультетов журналистики преимущественно лиц женского пола лишь для незаинтересованного ума, внешнего по отношению к медиа, не таит в себе ничего загадочного. Контингенты журфаков на сегодня укомплектованы юношами и девушками в весьма репрезентативной пропорции – один к десяти не в пользу первых, что заставляет, конечно, задуматься и как-то проинтерпретировать эту социологию. Что та-

кое феминизация современной журналистики, какие последствия данный факт обещает обществу в недалекой перспективе и какую оптимальную мировоззренческую позицию необходимо будет занять исследователю в связи с этим – вот круг вопросов, с которыми автор попытается разобраться в рамках статьи.

Культурологам и антропологам давно известна концепция феноменологического несовпадения мужского и женского поведенческого стандартов. По справедливому мнению Маргарет Мид, «различия между двумя полами – одно из важных условий, легших в основу многих разновидностей культуры, которые придают людям чувство собственного достоинства и положение в обществе» [9, с. 28]. Архетип и проистекающий от него социальный статус женщины предполагают совершенно иной набор элементов, чем архетип и статус мужчины. Кажется, что стало уже общим местом в философском дискурсе закрепление за женским началом характеристик низа, тяжести, хаоса, инертности, мрака и аффективной неопределенности и, наоборот, прочной фиксации в мужском культурном коде отсылок кверху, легкости, порядку, движению, свету и четкой ясности. Разумеется, мы не берем в расчет замысловатую ситуацию постмодерна, которая чувствительно размыла границы между принципиально мужским и принципиально женским, превратив гендерные роли в подвижные условности и игровые конвенции. Мы здесь будем исходить из антропологической классики, полагая, что постмодерны приходят и уходят, а подлинная жажда постижения реальности, какой она есть, остается с человеком всегда. Необходимо также признать и возможность неких кардинальных сдвигов в обсуждаемом вопросе в будущем в связи с развитием науки и технологий, однако, как представляется, это уже станет шагом за горизонт человечности, о чем пусть рассуждают профессиональные трансгуманисты и футурологи. Наша задача, повторимся, заключается в том, чтобы непредвзято оценить наблюдаемый сегодня серьезный гендерный сдвиг от маскулинности в пользу феминности в журналистской и – шире – массовой сферах с философских и культурно-антропологических позиций.

Начнем с того, что журналистика считается деятельностью по производству и ретрансляции информации, ведущейся по каналам массовой коммуникации, таким как печать, телевидение, радио, интернет и т.п. [5, с. 3]. Иными словами, речь идет о работе со словом в целях формирования общественного мнения и массового сознания, добавим: ради социальной стабильности, консенсуса и прогресса. Во многих культурных традициях, включая и европейскую, фундированную на библейском тезаурусе, однозначно утверждается мужской примат обращения с вербальной стихией, своего рода онтологиче-

ская привилегия и одновременно суровый и тяжкий долг мужчины перед Бытием. Подобный взгляд уходит корнями в райское состояние Адама до Евы, когда он сподобился от Бога права назвать вещи своими именами. Во всех авраамических религиях – иудаизме, христианстве, исламе – иерейские функции из-за этого закономерно исполняют представители сильного пола. Именно священник, распределяя словесную энергию по своему усмотрению во время богослужения, организовывал окружающий космос, преображал пространство социального.

Коллапсирующий и предприимчивый 18–19 долгий век был богат на революционные события, которые затронули и сферу религиозной практики. Постепенно литургическая высота и вертикаль подменяются обывательской мирской горизонталью, в которой суррогатными божествами становятся феномены более понятные среднему человеку, аккуратно квалифицируемому К. Леонтьевым как «идеал и орудие всемирного разрушения» [6, с. 159–234]. В пантеон этих божеств входят либеральная демократия, права человека, буржуазные ценности потребления, достатка, накопительства. Еще выше уровнем располагались боги издательского дела и журналистики. Им теперь доверяют, к ним прислушиваются настолько, что если какому-то факту вдруг не посчастливилось оказаться на газетной или журнальной полосе, он моментально вычеркивался из числа существующих. В общем, медиа в эру раннего капитализма делегировали неограниченные полномочия, однако если посмотреть на кадровый состав редакционных коллективов того времени, то окажется, что кроме, быть может, г-жи Панаевой, сотрудничавшей с «Современником» и «Отечественными записками» и даже оставившей интересные мемуары [10], из женщин там никого не было. Искусство плетения словес и в этот период было уделом мужчин, формулировавших смелые и радикальные концепции революционного переустройства действительности на началах (что важно!) элевации. Заметим также, что и специализированных высших учебных заведений журналистского профиля в царской России не существовало [11, с. 55] – они появились уже при большевиках (первое – это Институт Красных журналистов на базе московских курсов Российского телеграфного агентства в 1919 году) [3, с. 103]. Их миссия заключалась исключительно в продвижении советской идеологии, с чем журфаки несколько десятилетий успешно справлялись, до тех пор, пока что-то пошло не так и в начале девяностых Советский Союз не был демонтирован. Что касается контингента советских журфаков, то мальчиков там училось приблизительно столько же, сколько и девочек [13]. Давал свои восхитительные плоды суффражистский тренд на гендерное равенство, что в общем-то было совершенно приемлемо,

поскольку на самом деле любая дискриминация ни к чему. А дальше наступил момент переизбытка женского в журналистском образовании, на выходе же – и в журналистской практике. В процессе тотальной либерализации свободная от коммунистической доктринальности Россия негласно объявила призыв в деидеологизированную журналистскую армию сотен и тысяч представительниц прекрасной половины. Журфаки вдруг стали интересны женщинам, а в итоге, несомненно, меняется общая конфигурация жизни, зависящая от медиапозиционирования – политика, экономика, культура и прочие сферы, о которых в особой стилистике говорят и пишут дамы. Что это за стилистика – разговор отдельный и трудный, но навскидку можно сказать, что ей как формату присущи, во-первых, игровые стратегии с их явной установкой на релятивизацию мнений, смягчение, а значит, смешение конфликтующих позиций, во-вторых, поглощение внешней формой внутреннего содержания, а значит ставка на эмоциональную броскость и очаровательные эффекты в ущерб утомительному и нудному смыслу, и, в-третьих, еще больший фаворитизм, оказываемый в повестке медиа несублимированным эросу и танатосу как делегатам земли и дикой природы. Последний аспект, как нам кажется, должен тревожить общество сильнее всего, что требует своего обстоятельного объяснения.

Напрасно думают, что будто бы женское, в отличие от невыносимо воинственного мужского, всегда сопряжено с миром, мягкостью, милосердием, заботой, терпимостью, альтруизмом и всяческим благолепием [16, с. 156]. Ни в коем случае не желая оскорбить женщин, которые действительно перманентно излучают перечисленные добродетели, предпримем тем не менее рискованный экскурс в тот доисторический период, который предшествовал патриархату. Ориентировочно длился он на несколько сотен тысяч лет дольше последнего, именуясь, соответственно, матриархатом [12]. В условиях данного социокультурного уклада власть женщины была, как считается, всепроникающей и весьма агрессивной. Женщина тогда являлась главным медиумом, на котором концентрировались не только все коммуникативные потоки, но и вообще жизненные пульсации племени. О том, как это происходило, во всех подробностях пишет А. Ф. Лосев, посвятивший изучению матриархальных культов и мифов не одну страницу своих увлекательных сочинений. В частности, он считает, что матриархату свойственен особый хтонизм – с греч. Хтон – Земля. Речь идет о таком состоянии индивидуального и коллективного сознания, когда все мыслится состоящим из земли или ее порождений. На этой стадии человек находится во всецелой зависимости от природы [7, с. 21], что культивировало естественный ужас перед миром,

населенным страшилищами и чудовищами. В матриархате царит иррациональное как результат неспособности человека рассортировать объекты окружающей действительности и выделить себя из общего фона. Лосев отмечает причудливую магичность и даже фантастичность матриархальной картины универсума, пропущенного сквозь призму хтонизма: вещи видятся текучими, размытыми, с нечеткими контурами и функциями. Они вечно переходят одна в другую в хаосе нагромождения, беспорядочности и дисгармонии [7, с. 45–46]. На этой ступени развития сознание ограничено непосредственно-чувственным восприятием, оно принципиально непроецируемо, поскольку для любого производства необходим интеллектуальный навык абстрагирования от созерцаемой конкретики. Добавим также, что в общий профиль матриархата прекрасно вписывается обычай кровной мести [2, с. 285], и вообще первобытная гинекократия сопровождалась разнузданной кровожадностью и оргиастичностью [7, с. 78]. Венцом матриархальной религиозности стал культ т.н. Великой Матери, ритуальным ядром которого, судя по всему, являлись членовредительство [4, с. 229], каннибализм и человеческие жертвоприношения [7, с. 83]. О широкой распространенности изуверского культа Матери Богов говорят ее множественные имена: Кибела, Тиамат, Астарта, Деметра, Сехмет, Афина и даже Афродита. Как можно понять, роль жертвы всегда отводилась мужчине как социальному актору второго плана. Это логично в условиях, когда главой рода выступала мать, а отец был ее только случайным посетителем [7, с. 82]. По Бахофену, конец свирепой матриархальной парадигме был зафиксирован в мифах о таких светлых культурных героях, как Тесей и Геракл [2, с. 312].

Таким образом, женское начало само по себе, как минимум, априори должно пониматься исследователем как реальность более сложная, чем расхожий колыбельный гештальт. Архетип матери включает в себя помимо очевидно трогательных моментов, также и хищнических компонент, связанный с первобытной нерасчлененностью сознания на почве хтонического неистовства и истеризма. Учитывая данный культурно-религиозный бэкграунд, можно осторожно констатировать, что у феномена журнализма, взятого в аспекте женской доминации, могут быть обнаружены неожиданно инфернальные энергетические сгущения. Какие, например? Допустим, плавный отказ медиаработников от даров логоцентризма в пользу техник визуализации контента, что формирует бессвязно-клиповое мышление массового потребителя информации, вытеснившее со страниц газет и экранов мониторов рассудительность и стройность изложения материала. Потоки визуальной информации, выражаясь словами М. Маклюэна, «пробуждают Африку внутри нас» [8,

с. 67], насылают, цитируя Ф. Гойю, «сон разума, который рождает чудовищ». К сожалению, не придуманы еще социальные индикаторы, демонстрирующие прямую зависимость роста преступности и девиантного поведения в обществе от роста визуальной составляющей содержания современных СМИ. Однако кажется несомненным философское правило Плотина, согласно которому «во что смотришься, – в то и обращаешься» [1, с. 16]. Сегодня мы, к сожалению, через посредство массмедиа чаще всматриваемся в тьму и пустоту, чем в возвышающие идеалы, и кособокая конструкция кадрового состава медиа в этом вопросе может играть не последнюю роль. Можно, конечно, в порядке эксперимента, попробовать испытать, так сказать, «в долгую» и эту аляповатую модель, однако, как представляется, результаты могут быть чреватые гуманитарной катастрофой. Необходимо согласиться, что оригинальных авторов масштабов Татьяны Черниговской, убедительно настаивающей, кстати, на том, что никакого женского ума нет [14], а есть ум либо сильный, либо слабый, который столетиями назывался мужским, в редакционных коллективах днем с огнем не сыщешь, а вот «творцов», наподобие Элочки Людоедки, выучивших пару десятков расхожих речевых оборотов в расчете на их быструю коммерциализацию, там абсолютное большинство. Что это? Журналистика становится своеобразным барометром, свидетельствующим о форсированном движении общества вспять, в своего рода вторичный неоматриархат? Но тогда, по логике, вынужденно должны будут претерпеть изменения и нормативно-правовые, и этические и профессионально-творческие принципы деятельности журналистики, а за ними и нормы всего общества, которое вознесет на щит новых, но так хорошо известных матриархату великих хтонических богинь хаоса и деструкции, наподобие трех барышень, спровоцировавших в 2020 году нескончаемые протесты ради протестов в спокойной прежде Белоруссии? Вопросы действительно очень тяжелые, однако на них рано или поздно кому-то придется ответить, учитывая, что природа не терпит любых диспропорций, включая и гендерных. Ведь если где-то прибыло (журфаки переполнены дамами), автоматически где-то и убыло (сжимается концептуальный потенциал медиа), что однозначно влияет на устойчивость универсума, его стабильно-определенное состояние.

Стратегии управляемого хаоса в большой политике с успехом используются уже давно [15]: расшатывание государственных режимов на Ближнем Востоке и Северной Африке, вскармливание зверя международного терроризма, майданные технологии в республиках бывшего СССР и т.п. Готовность общества протестовать по самому незначительному поводу, наблюдаемое сегодня в различных уголках мира, с нашей точки зрения, сво-

им корнем имеет, в том числе, и фактор феминизации медиадискурса. Обильная прививка женской стихийности совокупному телу медиа обещает обществу далеко идущие последствия в плане нагнетания обстановки повышенной тревожности, роста непредсказуемости, и, как следствие, элиминации уверенности в завтрашнем дне у многомиллионной аудитории потребителей медиапродукции. Единственным действенным средством против возможных потрясений, на наш взгляд, может явиться попытка восстановления гендерного баланса на факультетах журналистики посредством формулирования более убедительной мотивации для поступающих абитуриентов-юношей. Можно надеяться, что гендерная балансировка журфаков в сложившихся условиях поможет преодолеть вынесенный в название статьи антропологический казус.

Список литературы

1. Адо Пьер. Плотин, или простота взгляда. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. 142 с.
2. Бахофен И. Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой: в 3 т. Т. I. СПб.: Издательский проект «Quadrivium», 2018. 384 с.
3. Гутнов Д. А. Из истории журналистского образования в России: Институт Красных журналистов и его ближайшие преемники (1919–1938) // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. №1. С. 103–114.
4. Зелинский Ф. Ф. История античных религий. Т. 1–3. СПб.: Издательский проект «Квадривиум»; Алетейя, 2014. 864 с.
5. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 287 с.
6. Леонтьев К. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем в двенадцати томах. Т. 8(1). СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2007. 639 с.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
8. Мак-Люэн Маршалл. Галактика Гуттенберга: сотворение человека печатной культуры. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.
9. Мид М. Мужское и женское: исследование полового вопроса в меняющемся мире. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 416 с.
10. Панаева Авдотья. Воспоминания. М.: Издательство Захаров, 2002. 448 с.
11. Туманов Д. В. История отечественной журналистики: концепция преподавания // Журналистское образование в XXI веке. Кого, кому и как учить журналистике? Сборник материалов междунар. учебно-методической конференции. Екатеринбург. 25–27 февраля 2000 г. Екатеринбург, 2000. С. 46–55.
12. Фатыхов С. Г. Новая археология матриархата (Социокультурный анализ реликтов). Челябинск: ЧГАКИ, 2009. 252 с.

13. Цыбульская Ольга. Эти счастливые несчастные журналистки // Журналист. Электронный ресурс. URL: <https://jrnlst.ru/content/eti-schastlivye-neschastnye-zhurnalistki> (дата обращения: 10.09.2020).

14. Черниговская Т. В. Мозг и его различия по половому признаку. Электронный ресурс. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/84021-mozg-i-ego-razlicia-po-polovomu-priznaku-tv-cernigovskaa> (дата обращения: 10.09.2020).

15. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

16. Янчук Е. И. Гендер // Новейший философский словарь. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. 896 с.

References

1. Ado, P'er. *Plotin, ili prostota vzglyada* [Plotin, or a simple look]. Moscow, 1991. 142 p. (In Russian).

2. Bahofen, I. YA. *Materinskoe pravo. Issledovanie ginekokratii drevnego mira v sootvetstvi s ee religioznoj i pravovoj prirodoy. V trekh tomah* [Maternity law. Study of the gynecocracy of the ancient world in accordance with its religious and legal nature. In three volumes]. Vol. I. St. Petersburg, 2018. 384 p. (In Russian).

3. Gutnov, D. A. *Iz istorii zhurnalistikogo obrazovaniya v Rossii: Institut Krasnyh zhurnalistov i ego blizhajshie preemniki (1919–1938)* [From the history of journalistic education in Russia: Institute of Red Journalists and its closest successors (1919–1938)] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Episode 10. Journalism]. 2014. No 1. Pp. 103–114. (In Russian).

4. Zelinskij, F. F. *Istoriya antichnyh religij* [History of ancient religions]. Vol. 1–3. St. Petersburg, 2014. 864 p. (In Russian).

5. Korkonosenko, S. G. *Osnovy zhurnalistiki: Uchebnik dlya vuzov* [Fundamentals of journalism: Textbook for universities]. Moscow, 2001. 287 p. (In Russian).

6. Leont'ev, K. *Srednij evropec kak ideal i orudie vseirnogo razrusheniya* [The Middle European as an ideal and an instrument of world destruction] *Polnoe sobranie sochinenij i pisem v dvenadcati tomah* [Complete Works and Letters in Twelve Volumes]. V. 8(1). St. Petersburg: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 2007. 639 p. (In Russian).

7. Losev, A. F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [The mythology of the Greeks and Romans]. Moscow, 1996. 975 p. (In Russian).

8. Mak-Lyuen, Marshall. *Galaktika Guttenberga: sotvorenie cheloveka pechatnoj kul'tury* [Gutenberg Galaxy: The Creation of Man of Print Culture]. Kiev, 2004. 432 p. (In Russian).

9. Mid, M. *Muzhskoe i zhenskoe: issledovanie polovogo voprosa v menyayushchemsya mire* [Male and Female: Exploring the Sex Question in a Changing World]. Moscow, 2004. 416 p. (In Russian).

10. Panaeva, Avdot'ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, 2002. 448 p. (In Russian).

11. Tumanov, D. V. *Istoriya otechestvennoj zhurnalistiki: koncepciya prepodavaniya* [History of Russian journalism: teaching concept] *Zhurnalistikoe obrazovanie v XXI veke. Kogo, komu i kak uchit' zhurnalistike? Sbornik materialov mezhdunarodnoj uchebno-metodicheskoy konferencii Ekaterinburg. 25–27 fevralya* [Journalism education in the XXI century. Who, to whom and how to teach journalism? Collection of materials of the international educational and methodological conference. Ekaterinburg. February 25–27, 2000]. Ekaterinburg, 2000. Pp. 46–55. (In Russian).

12. Fatyhov S. G. *Novaya arheologiya matriarhata (Sociokul'turnyj analiz reliktoy)* [New archeology of the matriarchate (Sociocultural analysis of relicts)]. Chelyabinsk. 2009. 252 p. (In Russian).
13. Cybul'skaya, Ol'ga. *Eti schastlivye neschastnye zhurnalistki* [These happy unfortunate journalists] *Zhurnalist* [Journalist]. Elektronnyj resurs. URL: <https://jrnlst.ru/content/eti-schastlivye-neschastnye-zhurnalistki> (data obrashcheniya: 10.09.2020).
14. Chernigovskaya, T. V. *Mozg i ego razlichiya po polovomu priznaku* [Brain and its differences by sex]. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/84021-mozg-i-ego-razlicia-po-polovomu-priznaku-tv-cernigovskaa> (data obrashcheniya: 10.09.2020).
15. Sharp, D. *Ot diktatury k demokratii* [From dictatorship to democracy]. Ekaterinburg. 2005. 224 p. (In Russian).
16. Yanchuk, E. I. *Gender* [Genders] *Novejshij filosofskij slovar'* [The latest philosophical dictionary]. Minsk. 1998. 896 p. (In Russian).